

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6.

БОГАТЫЙ ХОЛОСТЯКЪ

И

ДВОЕ ЖЕНАТЫХЪ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ ПРОЗѢ.

СОЧИНЕНІЕ

П. Н. Григорьева.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

АКТЕРЫ:

- ИВАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ МЯМЛИНЪ**, пожилой зажиточный холостякъ *Г. Сосницкій.*
- АННА ИВАНОВНА ПРИБИРОХИНА**, старая вдова *Г-жа Сосницкая.*
- НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА ЦВѢТКОВА**, молодая вдова, ея родственница. *Г-жа Читау.*
- ЕРМОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЧУХЛОМСКІЙ**, старинный пріятель Мямлина, недавно женатый *Г. Григорьевъ 1.*
- АВВАКУМЪ НИКИТИЧЪ МОРОШКА**, пожилой стряпчій, родственникъ Мямлина, также недавно женатый *Г. Мартыновъ*
- СЛУЖАНКА** Прибирохиной *Г-жа Волкова.*
- АЛЕКСѢЙ**, лакей Мямлина *Г. Фалгевъ*
- ЖАВЪЧИКЪ** Прибирохиной *Г. Рупини.*

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ Прибирохиной, близъ Петербурга.

Небольшой садъ, окруженный съ трехъ сторонъ красивыми дачными домиками; между ними насажены разные цвѣты. На правой сторонѣ одноэтажный домикъ Прибирохиной, выходящій окнами и дверями въ общій садъ. По срединѣ сцены, прямо противъ зрителя, домъ въ три окна, занимаемый Мямлинымъ. Назѣво, домикъ точно такой-же постройки, какъ домъ занимаемый хозяйкою: въ немъ живетъ вдова Цвѣткова. Начало дѣйствія послѣ обѣда.

I.

СЛУЖАНКА, ПРИБИРОХИНОЙ, приготовляетъ столъ, на который ставитъ чашки, сахаръ и кофейникъ.

СЛУЖАНКА (сама съ собою). Ну, вотъ ... что она тамъ кричитъ, да беспокоится? ... вотъ кофій поданъ, пусть выходятъ изъ-за стола... (подходя къ окну) Анисимъ! а Анисимъ! что? встали? а?

МАЛЬЧИКЪ (высунувшись въ окно). Нѣтъ еще ... доѣдаютъ сахарное мороженое. (Скрывается).

СЛУЖАНКА (отходя отъ окна). Ну вотъ, я такъ и знала. А сама выбѣжала изъ-за стола, раскричалась на меня, что кофій не готовъ!.. (Посматривая на окно средняго дома). Только срамить передъ жильцами, ни какой амбиціи знать не хочетъ ... а я такъ, право, боюсь, чтобъ обо мнѣ не заключили какого дурнаго мнѣнія, особливо въ этомъ домѣ ... Дворецкій г. Мямлина такое мнѣ оказываетъ вниманіе, обходится со мною на такихъ вѣжливостяхъ, что я навѣрно полагаю, что онъ имѣетъ меня въ своемъ предметѣ ... Ахъ! какъ-бы хорошо было, если-бъ онъ оставилъ свои скромныя рѣчи и прямо-бы посватался, а то ужъ слишкомъ всегда благородно церемонится, только душу томитъ. (Въ мезонинѣ средняго дома отворяется окно и въ немъ показывается молодой лакей съ усами, дѣлающій ручки служанкѣ). Ахъ, вотъ онъ, въ своемъ мезонинѣ... какой интересный! какого завлекательнаго характера человекъ!.. (приспѣдаетъ передъ нимъ очень стыдливо).

ЛАКЕЙ (*изъ окна*). Все-ли вы въ добромъ-съ находитесь, Матрена Селиверстовна?

СЛУЖАНКА. Славо Богу-съ! Благополучно-ли вы изволите препровождаться, Алексѣй Абрамычъ?..

ЛАКЕЙ (*раскланиваясь*). Очень пріятно-съ ... Пожалуйста-съ... много одождаете вашимъ драгоценнымъ сожалѣніемъ ... при случаѣ, постараюсь взаимно отблагодарить тѣмъ-же самымъ...

СЛУЖАНКА (*присѣдая*). Большое доставите удовольствіе!.. Ну, что теперь, каково въ городѣ? что тамъ дѣлается?

ЛАКЕЙ (*очень серьезно*). Ахъ, не спрашивайте! въ городѣ теперь такая совершенная непріятность быть ... во всѣхъ улицахъ, знаете, мостовую перестиплаютъ, а по Фонтанкѣ все барки съ дровами ходятъ; такая, знаете, перспектива непріятная тамъ, что совсѣмъ существовать порядочнымъ людямъ невозможно; а вотъ какъ пріѣдешь на дачу, чувствуешь совершенно другую здоровую атмосферу ...

СЛУЖАНКА. Да-съ, ужъ на дачѣ, извѣстно, чрезвычайно здоровая жизнь, особливо когда хорошіе сосѣди, имѣютъ наружность ... притомъ и погулять, и посидѣть на музыкѣ — все это такое услажденіе производить.

ЛАКЕЙ. Безъ сумленія ... А что это вы, Матрена Селиверстовна, изволите тутъ готовить?

СЛУЖАНКА. Кофій-съ, сейчасъ моя барыня будетъ здѣсь, на чп-стомъ воздухѣ, угощать вашего барина-съ...

ЛАКЕЙ (*удивясь*). Какъ-съ? развѣ мой баринъ у васъ?

СЛУЖАНКА. Какъ-же-съ ... наконецъ-таки барыня моя уговорила его нынче обѣдать у насъ...

ЛАКЕЙ. Скажите, въ какую-неожиданную дружбу соединились! Пріятно слушать-съ! Изъ этого знакомства хорошее можетъ произойти, резонабельныя удовольствія.

СЛУЖАНКА. Да-съ ... барынь моей очень желательно, чтобъ вашъ Иванъ Семеновичъ женился на нашей молодой вдовушкѣ.

ЛАКЕЙ. То-есть, на Настасьѣ Петровнѣ-съ. Да-съ, и я-бы желалъ-съ .. препрезентабельная особа! Баринъ ее очень хвалить, и я ни въ чемъ похулить не могу - съ ... Особливо, какъ вечеркомъ заиграетъ да запоетъ, такъ, просто, въ равнодушномъ положеніи средствія нѣтъ слушать!

СЛУЖАНКА. Да, хорошо, кабы у нихъ дѣльцо-то уладилось! Вѣдь вашъ Иванъ Семеновичъ, какъ слышно, очень богатъ?

ЛАКЕЙ. О, и домовъ и денегъ весьма достаточно нажилъ!

СЛУЖАНКА. Какъ-же это онъ такъ много всего умѣлъ нажить?

ЛАКЕЙ. Неусыпными трудами онъ обезпечилъ себя; былъ, знаете, у многихъ богатыхъ опекуномъ, попечителемъ, шу, и весьма натуральное дѣло, получалъ вознагражденіе за труды.

СЛУЖАНКА. А! вотъ какъ-съ! Ну-съ, а если вашъ баринъ женится, вы тогда на счетъ себя какъ намѣрены расположиться?

ЛАКЕЙ (*вздохнувъ*). Охъ, Матрена Селиверстовна, вашъ вопросъ, имѣетъ самое щекотливое происхожденіе! Если вы не откажетесь осчастливить мое существованіе, то баринъ мнѣ, вѣрно, позволить принять ваши узы...

СЛУЖАНКА (*конфузясь*). Ахъ, помплуйте... я... съ моимъ удовольствіемъ... если ваше расположеніе... имѣетъ такія мысли...

ЛАКЕЙ (*громко и съ чувствомъ*). О! душечка, Матрена Сильверстовна, въ доказательство прошу принять сей искренней залогъ души моей (*спускаетъ въ окно на тесемкѣ небольшую корзиночку*). Только поскорѣй, чтобъ кто не заиримѣтилъ...

СЛУЖАНКА (*подбѣгая къ дому, принимаетъ корзиночку*). Ахъ, покорию васъ благодарю, Алексѣй Абрамычъ... А что это такое?

ЛАКЕЙ. Разные леденцы и конфекты изъ пряничной лавки отъ Чернышева моста.

СЛУЖАНКА (*всторону*). Ахъ! какой чувствительный и благопріятный сюрпризъ! (*обращаясь къ нему*) Можно попробовать?

ЛАКЕЙ. Услаждайтесь, сколько душѣ вашей угодно; тутъ цѣлые полфунта, первый сортъ, тридцать пять копѣекъ серебромъ нарочно бросилъ для вашего удовольствія.

СЛУЖАНКА. Неужели-съ? Какой вы добрѣйшей души человѣкъ!

ЛАКЕЙ. Такимъ ужъ уродился съ природы. Пожалуйста, замѣтите: тутъ есть стишки на билетикахъ, очень чувствительнаго сочиненія... Вы умѣете читать-съ?

СЛУЖАНКА. Ахъ, признаться... очень туго разбираю...

ЛАКЕЙ. Такъ позвольте, ужо вечеркомъ, я вамъ самъ произведу чтеніе на кухнѣ, или гдѣ назначите...

СЛУЖАНКА. Съ моимъ удовольствіемъ-съ!

ЛАКЕЙ (*посылая рукою поцѣлуи*). И съ моимъ также готовъ буду...

МАЛЬЧИКЪ (*высовываясь изъ окна Прибирохиной*). Матрена, господа идутъ; что ты тамъ лясы-то точишь?

СЛУЖАНКА (*прячетъ корзиночку въ кусты*). Ай! ай! прощайте Алексѣй Абрамычъ! Спрячу тутъ... а то барыня увидитъ, бѣда! (*подходитъ въ своему дому*).

II.

ТЪ-ЖЕ, ПРИБИРОХИНА, ЦВѢТКОВА, за ними **ИВАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ МЯМЛИНЪ**, одѣтъ пзѣп но, пѣ зѣтнемъ костюмѣ и замѣтно молодится.

ПРИБИРОХИНА (*вышедъ впередъ, Матрентъ*). Ну, что? готовъ кофій?

СЛУЖАНКА. Пожалуйте-сь, все готово...

ПРИБИРОХИНА (*въ двери*). Милости просимъ, милый Иванъ Семеновичъ... Настенька, ведите дорогаго гостя; на чистомъ-то воздухѣ кофій пить гораздо пріятнѣе... пожалуйста, безъ церемоніи...

МЯМЛИНЪ (*ведя подъ руку Цвѣткову*). Уфъ! Ну, матушка, Анна Ивановна, вы насъ избалуете вашимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Благодаренъ, вполне благодаренъ, и за пріятную бесѣду и за прекрасное угощеніе...

ПРИБИРОХИНА. Полно-те подшучивать; я старуха, мое дѣло вдовье, дѣло небогатое, намъ ужъ за вами не утягаться.

МЯМЛИНЪ. Эхъ, матушка, Анна Ивановна, тутъ не въ богатствѣ важность, а въ умѣннѣ угостить, принять радушно... по достоинству... Такъ-ли, Настасья Петровна?

ЦВѢТКОВА. Конечно. И добрая Анна Ивановна на этотъ счетъ всегда въ нашемъ кругу слыла истинно радушной и обязательной хозяйкой...

ПРИБИРОХИНА (*разливая кофе, подаетъ Мямлину и Цвѣтковой*). Полно те, пожалуйста; вы меня заставляете краснѣть... Я, хоть старуха бѣдная, простая, но рада душу отдать, чтобъ только заслужить доброе слово! Кушайте, батюшка, Иванъ Семеновичъ... кофею сваренъ изрядно, сливочками также похвастать могу. Вотъ тутъ есть и коньячекъ, коли имѣете расположеніе; все къ вашимъ услугамъ... (*садится, обмахиваясь платкомъ*). Фу, какая жара сегодня! (*вспомнивъ*). Ахти! Матрена, подай-ко скорѣй сюда, тамъ есть ящикъ съ папирсами. (*Матрена убѣгаетъ*). Вы вѣдь курите, Иванъ Семеновичъ?

МЯМЛИНЪ (*вынимая бумажникъ*). Благодарю васъ, Анна Ивановна... у меня есть свои, не беспокойтесь...

ПРИБИРОХИНА. Нѣтъ ужъ, батюшка, не обижайте меня... я нарочно заранѣе узнала отъ вашего лакея, до какихъ вы охотникъ, тѣхъ самыхъ и припасла для вашего удовольствія. (*Матрена приноситъ коробку съ папирсами*). Вотъ-съ... прошу быть безъ церемоніи, какъ дома.

МЯМЛИНЪ. Благодарю, душевно благодарю! (*обращаясь къ Цветковой*) Настасья Петровна, вы позволите?

ЦВѢТКОВА. Сдѣлайте милость...

ПРИБИРОХИНА (*пьетъ кофе*). Вотъ! еще-бы она вздумала вамъ за-прещать! Нѣтъ, багюшка, вы только узнайте ее покорооче, такъ про-сто придете въ умиленіе отъ ея ангельскзго характера!

МЯМЛИНЪ. Помилуйте, вѣрно никто болѣе меня не отдастъ спра-ведливости прекраснымъ качествамъ Настасьи Петровны...

ЦВѢТКОВА. Иванъ Семенычъ, я ужъ, кажется, давеча просила васъ не прибѣгать къ этой приторной лести, которой, признаюсь, я не привыкла слышать...

МЯМЛИНЪ. Ахъ, Боже мой! могу васъ увѣрить, что тутъ на во-лосъ нѣтъ лести! Анна Ивановна, засвидѣтельствуйте, защитите меня, оправдайте во мнѣніи Настасьи Петровны.

ПРИБИРОХИНА. О, со всѣмъ моимъ удовольствіемъ! Нѣтъ, Настенька, ты худо понимаешь Ивана Семеныча: онъ человекъ самой возвышенной души, онъ не льститъ тебѣ. (*Мямлину*). Такъ и вамъ, Иванъ Семенычъ, совѣтую не стѣсняться! А чтобъ вы волюнѣ могли узнать достоин-ства моей Настеньки, такъ я вамъ объ ней выскажу всю подноготную... я хоть конечно простая, глупая старуха, но вы съ меня не взыщете...

ЦВѢТКОВА (*вставая*). Благодарю васъ, добрая Анна Ивановна, за ваши хлопоты обо мнѣ... въ такомъ случаѣ, позвольте оставить васъ (*ему*). До свиданія Иванъ Семенычъ!

МЯМЛИНЪ (*вскочивъ*). Вы насъ оставляете?

ЦВѢТКОВА. Да... во-первыхъ затѣмъ, чтобъ отнять у васъ пред-логъ къ лести, а во-вторыхъ—я не люблю, когда даже и Анна Ивановна слишкомъ много занимается моею участью... До пріятнаго свиданія. (*Уходитъ въ свой домъ, бросивъ нѣжный взглядъ на Мямлина.*)

III.

ТѢ-ДѢ, кромѣ ЦВѢТКОВОЙ.

МЯМЛИНЪ (*смотря ей вслѣдъ*). Прелесть, очаровательная фигурка! Анна Ивановна!..

ПРИБИРОХИНА. Что, батюшка мой?

МЯМЛИНЪ. Замѣтили-ль вы, какой она бросила взглядъ на меня?

ПРИБИРОХИНА (*притворяясь простодушно*). Гдѣ мнѣ замѣчать такія тонкости! я старуха глухая, недалъновидная.

МЯМЛИНЪ. Анна Ивановна, знаете-ли что? А я замѣчаю, что вы черезъ-чуръ себя унижаете... Зачѣмъ вы безпрестанно какъ-будто желаете выказать себя передо мной какою-то простодушною, глупою старухою, когда я вижу, что вы чуть-ли не умѣе всѣхъ насъ? Зачѣмъ такъ притворяться? Тенерь я въ такомъ положеніи, что стараюсь окружать себя людьми откровенными, прямыми, а иначе я нерѣшусь жениться на Настасьѣ Петровнѣ.

ПРИБИРОХИНА (*нѣсколько обиженная*). Ну, батюшка, ужъ коли я не откровенно поступаю съ вами, такъ Богъ вамъ судья! Да съ чего это вамъ кажется, что я, святая Настеньку, унижаю себя? А что у меня рѣчь такая, которая вамъ почему-то кажется подозрительною, такъ я тутъ, Иванъ Семенычъ, ужъ невиновата: ужъ какою я уродилась, такою я и останусь! Конечно, я старуха съ недостатками, да вѣдь и вы не совершенство, Иванъ Семенычъ. Разбери-ко васъ поближе, да заставь покаяться, то, я чай, добродѣтельныхъ-то качествъ тоже очень поумалится. Э-эхъ, Иванъ Семенычъ, не хорошо! въ чужомъ глазу соломенку замѣчаешь, а въ своемъ..

МЯМЛИНЪ (*сконфуженный*). Позвольте, позвольте, Анна Ивановна: что вы этимъ хотите сказать, то-есть, какъ вы это понимаете?..

ПРИБИРОХИНА. Да ужъ, какъ умѣю, такъ и понимаю; впрочемъ, что объ этомъ толковать; займемся-ко настоящимъ-то дѣломъ. Не угодно-ли представить намъ формуляръ своихъ житейскихъ походовъ? . Вы говорите, что я не умѣю съ вами быть откровенной? Увидите, батюшка, стану-ли я съ вами церемониться.

МЯМЛИНЪ. Гмъ! такъ что-жъ! это прекрасно!.. откровенность для меня тенерь дороже всего; но... чортъ возьми! неужели меня можно браковать?.. Ха! ха, ха!

ПРИБИРОХИНА. Э-эхъ, Иванъ Семенычъ; да мы и вдвое васъ помоложе забраковать умѣемъ: я вамъ живой примѣръ. Какъ въ свое время я собиралась за-мужъ, такъ ровнехонько семерыхъ молодцовъ забраковала—двухъ военныхъ, одного купца и четырехъ благородныхъ чиновниковъ. Вотъ какъ-съ! Я вѣдь тенерь только сморчкомъ выгляжу, а съ-молоду была—чудо: словно пальма американская! Какъ, бывало, взгляну на кого, окину этакъ пронизательнымъ взглядомъ, такъ сейчасъ рѣшу, благонадеженъ или нѣтъ? то-есть, всякаго разберу по косточкамъ!

МЯМЛИНЪ (*насмѣшливо*). Ну, и разбирая такимъ-образомъ, вы наконецъ избрали себѣ покойнаго г. Прибирохина?

ПРИБИРОХИНА (*съ гордостью*). Да, сударь мой; избрала Прибирохина и никогда не раскаявалась! Царство ему небесное! Такъ онъ,

бывало, берегъ, лелѣялъ, утѣшалъ меня (*вздыхая, говоритъ сквозь слезы*). Голубчикъ мой! вѣчно буду вспоминать о его высокихъ доблестяхъ! Дай Богъ, чтобъ теперь моя Настенька нашла себѣ такого-же друга, какъ былъ мой Игнатій Еремѣичъ!

МЯМЛИНЪ (*охорашиваясь*). Ха! ха! ха! мнѣ кажется, она нашла во мнѣ ни чѣмъ не хуже вашего покойнаго?..

ПРИБИРОХИНА (*смотря на него пристально*). Ну, не знаю, Иванъ Семенычъ ... вы живете у меня на дачѣ еще первое лѣто ... подробныхъ сиравокъ объ васъ я еще не наводила ... конечно, вы съ хорошимъ состояніемъ, лѣтъ въ пять, какъ слышно, умѣли себя обезнечить значительно; все это дѣлаетъ вамъ большую честь, по...

МЯМЛИНЪ. Но ... по ... такъ чего-же больше вамъ нужно?

ПРИБИРОХИНА. Э-эхъ, Иванъ Семенычъ! а кто намъ поручится, что вы будете хорошимъ мужемъ? Вѣдь наружность обманчива.

МЯМЛИНЪ (*обидясь*). Анна Ивановна, вы меня просто обижаете; еще ни одна дама такъ обо мнѣ не отзывалась.

ПРИБИРОХИНА. Да тѣ и не стануть, которыя зарятся на ваше состояніе, а я, какъ старуха откровенная, говорю вамъ, все безъ церемоніи...

МЯМЛИНЪ. Вотъ прекрасно! этакъ вы, пожалуй, и Настасъ Петровнѣ описываете меня такими дурными красками? Боже васъ сохрани! Вы испортите все дѣло!

ПРИБИРОХИНА. Да вѣдь вы хоть и пожилой мужчина, а видно, что большой злодѣй на любовныя похождения! Итакъ, лучше заранѣе скажите мнѣ по чистой совѣсти: вы точно влюблены въ Настеньку?

МЯМЛИНЪ. О! обворожень! очарованъ! она такъ мила, умна, снисходительна..

ПРИБИРОХИНА. Если вы желаете непременно жениться, говорите откровенно, безъ церемоніи, все, что есть у васъ на душѣ!

МЯМЛИНЪ. Желая, душевно желаю; пора мнѣ себя пристроить, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Жизнь холостяка мнѣ страшно наскучила, да и многіе изъ друзей моихъ почти ежедневно толкуютъ: «Да скоро-ли ты, Иванъ Семенычъ, женишься? не грѣхъ-ли, съ твоими средствами, жить вѣчно холостякомъ? пока еще время не ушло, вѣрно всякая женщина рада будетъ принять твое предложеніе; она будетъ тебя любить, ижить, почитать, и прочее, и прочее...» Ну, вотъ я, наконецъ, живя здѣсь на дачѣ, и обратилъ вниманіе на вашу обворожительную Настасью Петровну ... Ея таланты, скромность прелестная наружность, все мнѣ чрезвычайно нравится, даже то, что она

вдовушка, имѣетъ свою привлекательную сторону: словомъ, миѣ-бы страхъ какъ хотѣлось, чтобъ она...

ПРИБИРОХИНА (*впадалъ въ рѣчь*). Объявила вамъ и свои требованія? Извольте, Иванъ Семенычъ! Она, по скромности, сама ничего не скажетъ, но я, какъ ея другъ и ходатай, скажу вамъ самое главное: чтобъ ваша родня не могла ее обидѣть въ случаѣ вашей смерти, такъ вы, до женитьбы, обезпечте ея участь. Нынче, батюшка, свѣтъ такой, что безъ законныхъ документовъ вѣрить нельзя! Честное слово — хорошо, не спору; но тогда только, когда оно обезпечено и занесено въ шнуровую книгу. Извините ... ужъ нынче въ житейскомъ быту порядокъ такой...

МЯМЛИНЪ (*нерѣшительно*). Гмъ... конечно... порядокъ... законность... соблюденіе всѣхъ необходимыхъ формъ... все это мы обязаны наблюдать свято... Однакожъ, какъ вы думаете: неужели я дамъ обидѣть любимую жену? неужели измѣню данному слову?...

ПРИБИРОХИНА (*съ чувствомъ*). О, вѣрно нѣтъ! Вы преблагороднѣйшей души человѣкъ, потому-то я и прошу у васъ, на случай, обезпеченія.

МЯМЛИНЪ (*улыбаясь*). Лй-да, Анна Ивановна! Отъ кого вы заимствовали эту премудрую оытность?

ПРИБИРОХИНА. Отъ покойнаго мужа, батюшка. Онъ миѣ твердилъ всегда: «смотри, старуха! нынче люди пускаются на тонкости, обмануть — какъ пить дадутъ. (*вздохнувъ*) Доблестный былъ человѣкъ, покойникъ.

МЯМЛИНЪ. Вѣрю, матушка, вѣрю. Итакъ, какого-же рода вамъ нужно обезпеченіе?

ПРИБИРОХИНА. Да самое простое: передъ свадьбой, положите въ ломбардъ, на имя Настеньки, тысячь пятьдесятъ серебромъ; оно и ей-то будетъ пріятно, и вамъ-то спокойнѣе.

МЯМЛИНЪ (*пораженный*). Гмъ! пятьдесятъ тысячь серебромъ! Да развѣ я могу?

ПРИБИРОХИНА (*самоувѣренно*). Можете, батюшка, можете и больше. Ну, да мы не прихотливы, и малымъ довольны.

МЯМЛИНЪ. Анна Ивановна!

ПРИБИРОХИНА. Что, Иванъ Семенычъ?

МЯМЛИНЪ. Неужели Настасья Петровна такъ предусмотрительна, такъ расчетлива, что миѣ не вѣрить?

ПРИБИРОХИНА. О, нисколько; она и не думаетъ ни о какихъ расчетахъ! Это я, я забочусь объ ея участи. Впрочемъ, не лучше-ли для васъ, чтобы деньги лежали на имя вашей жены, которая будетъ васъ

любить, лелѣять, покоить вашу наступающую старость?... (Изъ дома Цвѣтковой раздаются громкіе аккорды и потомъ нѣжное пѣніе, на мотивъ :)

«Ненаглядный ты мой!
Какъ люблю я тебя;
Взоръ изъипительной твой», в пр.

Слышите? Это вѣдь она поетъ на вашъ счетъ.

МЯМЛИНЪ (прислушиваясь, приходитъ въ восторгъ). О, разумѣется... я надѣюсь... Мило, очень мило, невольно трогаетъ за сердце! (рѣшительнымъ тономъ) Конечно! ничего не пожалѣю, чтобъ только обладать этою очаровательной штанкой! (Папьеваеъ, стоя у ея окна, на тотъ-же мотивъ:)

Ненаглядный другъ мой!
Съединися со мной;
Восхващаясь тобой,
Я теперь самъ не свой!

ПРИБИРОХИНА. Ай-да, Иванъ Семеничъ! какъ тряхнулъ стариной! Ну, батюшка, такъ вы рѣшаетесь положить на ея имя?

МЯМЛИНЪ. О, готовъ положить мою голову изъ любви къ ней!

ПРИБИРОХИНА. Нѣтъ, батюшка, хоть голова съ умомъ вещь тоже капитальная, но ломбардный билетецъ вѣрнѣе обезпечиваетъ.

МЯМЛИНЪ. Извольте, извольте, Анна Ивановна; только вотъ что я скажу: я нынче посылалъ звать къ себѣ искреннихъ моихъ друзей, чтобъ попросить ихъ совѣта, узнать ихъ мнѣніе.... Ну, однимъ словомъ, окончательно рѣшить свою судьбу общимъ совѣтомъ.

ПРИБИРОХИНА. А! такъ вы все еще боитесь?

МЯМЛИНЪ. Нѣтъ, я влюбленъ положительно; но, согласитесь, что въ мои солидные лѣта глупо-же вдругъ жениться, не посоветовавшись съ добрыми друзьями.

ПРИБИРОХИНА. Конечно.. Но кто-же эти добрые друзья?

МЯМЛИНЪ. Люди прероченные и оба недавно женатые... Я нарочно посылалъ за ними въ городъ челоуѣка. (Обращаясь къ своему дому) Эй! кто тамъ? Андришка! узнай, воротился-ли Алексѣй изъ города?

ЛАКЕЙ (выбѣгал изъ дому). Я здѣсь, сударь! ужъ съ полчаса дома....

МЯМЛИНЪ. А! тѣмъ лучше. Ну, что? какой отвѣтъ? Оба письма доставилъ лично?

ЛАКЕЙ Доставилъ-съ.

МЯМЛИНЪ. Что-же тебѣ отвѣчали?

ЛАКЕЙ. Господинъ Чухломскій хотѣли вслѣдъ за мной отправиться, а Аввакумъ Никитичъ Морощка сказали, что какъ только супруга ихъ возвратится домой, они постараются пріѣхать.

МЯМЛИНЪ. Хорошо, ступай; вели приготовить чай.

(Лакей уходитъ).

ПРИБИРОХИНА *(вспоминая)*. Ав-ва-кумъ Никитичъ Морощка?... Кажется, и я когда-то была съ нимъ знакома!

МЯМЛИНЪ. Неужто? Тѣмъ лучше! предобрѣйшая душа!

ПРИБИРОХИНА. Онъ такой худенькій, лѣтъ сорока-восемь, и годъ тому, какъ женился?

МЯМЛИНЪ. Да, да; немножко страннаго характера — желчень, ревнивъ, но честнѣйшій человекъ!

ПРИБИРОХИНА *(про себя)*. Какъ досадно, что пріѣдетъ! Я бы не хотѣла съ нимъ встрѣчаться....

МЯМЛИНЪ. Но за то мой пріятель, Ермолай Алексѣичъ Чухломскій, прелюбезный добрякъ! Не знаю я характера счастливецъ! Вѣчно доволенъ собою, весель, а съ-тѣхъ-поръ, какъ женился, перевозноситъ свой жребій до небесъ. Пожалуйста, познакомтесь съ нимъ также...

ПРИБИРОХИНА. Очень буду рада... но теперь миѣ надо повидаться съ Настасьей Петровной: она ждетъ меня... До свиданія!

МЯМЛИНЪ. Прощайте, Анна Ивановна! Скажите ей отъ меня, что она очаровательница, душка, прелесть, что я съ ума схожу отъ ея пѣжнаго голосочка.

ПРИБИРОХИНА. Хорошо, хорошо, и что вы готовы ей, передъ свадьбой, сдѣлать солидный подарокъ? да?

МЯМЛИНЪ *(проводя ея)*. Такъ и быть! На все, на все готовъ!

ПРИБИРОХИНА *(про себя)*. Попался въ наши сѣти, старый селадонъ? *(Уходитъ въ домикъ Цвѣтковой)*.

IV.

МЯМЛИНЪ, одинъ.

Прехитрая баба, эта Анна Ивановна; кажется, прошла огонь и воду... Женитьба на молодой вдовушкѣ миѣ не дешево обойдется... Да! эта госпожа Прибирохина, видно, вполне постигла свое ремесло: по ея понятіямъ, честное, благородное слово — просто гроша не стѣять!

Впрочемъ, нынче на каждомъ шагѣ встрѣчаешь обманъ да происки во всѣхъ обстоятельствахъ жизни; такъ мудрено-ли, что и женщины научились быть осторожными. Мы жалуемся на нихъ, а мнѣ кажется, что мы сами-же виноваты, что онѣ не вѣрятъ намъ на слово. Да, да! И если Настасья Петровна мнѣ нравится, отчего же не обезпечить свою будущую жену? Чтобъ доказать ей свою привязанность, я даже обязанъ это сдѣлать.... этимъ я ее заставлю любить, уважать себя... (*Внутри дома Мямлина раздается громкій хохотъ.*) Ба! это, кажется, мой любезный Чухломскій прикатилъ... очень радъ! Его откровенный, добродушный совѣтъ мнѣ теперь необходимъ.... (*Посматривая въ окна Цвѣтковой.*) Что-то подѣлываетъ моя прелесть?.. Нѣтъ... никого не видать... вѣрно, она въ той сторонѣ дома, гдѣ ея кабинетъ...

V.

МЯМЛИНЪ у окна и **ЧУХЛОМСКІЙ** съ узелкомъ въ рукахъ и съ зонтикомъ, одѣтъ по-лѣтнему.

ЧУХЛОМСКІЙ (*обращаясь внутрь дома, хохочетъ громко*). Ха! ха! ха! ай-да Алексѣй! молодецъ! ха! ха! ха! смѣлость города беретъ! ха! ха! ха! (*входитъ въ садъ и видитъ Мямлина у окна*). Вотъ и баринъ-то заглядываетъ куда-то... Bravo! ха! ха! ха! по барину слуга! ха! ха! ха! здравствуй, Иванъ!

МЯМЛИНЪ (*отходя отъ окна Цвѣтковой*). Здравствуй, мой добрый Ермолай Алексѣичъ! Отчего ты такъ расхохотался? чему радъ?

ЧУХЛОМСКІЙ. Да какъ-же братецъ не радоваться? Нынче, кажется, во всѣхъ сословіяхъ чувствительныя сердца появились. Ха! ха! ха! Иду я мимо большой-то аллеи, а тамъ твой лакей, Алексѣй, знай выражаетъ чувства свои какой-то смазливой горничной: «повѣрьте, Матрена Селиверстовна, для васъ, говоритъ, не только корзинку конфетъ—жизнь мою отдамъ за двугривенный»... Ха! ха! ха! а я ему: «славно, Алексѣй, славно, хорошее заведеніе: баринъ задумалъ жениться и ты за нимъ, разбойникъ!» Ну, здоровъ-ли ты? Жена моя тебѣ кланяется и спрашиваетъ, скоро-ли ты позовешь ее на свадьбу?

МЯМЛИНЪ. Охъ, кажется, скоро, Ермолай Алексѣичъ?

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, и чудесно! страхъ хочется скорѣй тебѣ запѣть: «нашего полку прибыло, прибыло».

МЯМЛИНЪ. Эхъ! правда твоя ... хорошо-бы! Надоѣла ужъ мнѣ эта бездомная холостая жизнь, ни что не веселить, не радуется ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Да, да! чортъ знаетъ, я теперь ничего не знаю глупѣе и хуже холостой жизни, я бы теперь, кажется, всѣхъ переженилъ! Толи дѣло, какъ этакъ ведешь подъ руку хорошенькую женку, она любитъ тобою, ты любишься ею, а всѣ прочіе обоими любятъ ... или этакъ дома, подъ вечерокъ, сойдутся пріятели, а женушка, сидя за самоваромъ, съ любезностью угощаетъ всѣхъ. Прелесть! картина, живая картина! съ какимъ тутъ удовольствіемъ выпьешь стаканчиковъ пять-шесть маюконъ-дэн, или вдругъ, за ужномъ, когда она скажетъ тебѣ: «что-жъ ты ничего не кушаешь и не пьешь, дружечнкъ?», — о, послѣ этого такой звѣрскій является аппетитъ, что наѣшься досыта и напьешься, какъ губка! За то, такъ послѣ сдѣлаешься любезенъ, разговорчивъ, съ женою ... А? вѣдь это наслажденіе! чтобъ испытать все это, пожалуйста, женись, братъ, поскорѣй! Бывши холостякомъ, я жилъ безалаберно, какъ пошлый дуракъ; теперь, съ милой женой, я сталъ другой человѣкъ, я живу вполне, я дѣйствую, я понимаю жизнь, а какъ еще пойдутъ дѣти ... сколько тутъ интересныхъ хлопотъ, заботъ, какая смѣшная возня съ женою, съ ребенкомъ, съ кармилицами, умора! Ха! ха! ха! Да, я вѣдь тебѣ принесъ подарокъ, какъ будущему отцу семейства ... Угадай, что это? (*показывая узелокъ*); пари держу, что не угадаешь ...

МЯМЛИНЪ. Право, не знаю ... что-бы такое? какъ будущему отцу семейства? ... колпакъ, что-ли? ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Нѣтъ! въ колпакъ тебя ужъ нарядить, вѣрно, жена, а это лучше ... Чтобъ потѣшить тебя, чтобъ польстить твоему самолюбію, я заранѣе дѣлаю тебѣ самый оригинальный подарокъ ... (*развязавъ, показываетъ ему дѣтскую фуфайку и шапочку*). Иванъ Семенычъ, честь имѣю поздравить съ новорожденнымъ! Ха! ха! ха!

МЯМЛИНЪ (*также смѣясь*). Ха! ха! ха! да ты никакъ съ ума сошелъ. Я еще только сватаюсь, а ужъ ты ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Иванъ Семеновичъ, признавайся: сынъ или дочь будетъ? Впрочемъ, все равно: спрячь эту невинную одежду и на другой день свадьбы, ради курьёзу, покажи своей женѣ мой подарокъ. (*Отдаетъ ему объ вещи*).

МЯМЛИНЪ (*прячетъ въ боковой карманъ*). Ты, чудакъ, только шутишь, да дурачишься; пойдёмъ лучше ко мнѣ, потолкуемъ о моей женитвѣ, какъ слѣдуетъ, серьезно ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Во-первыхъ, я въ домъ не пойду, тамъ душно и

жарко ... во-вторыхъ, я хочу скорѣй видѣть твою вдовушку. И что тутъ долго толковать? Вѣдь невѣста тебѣ нравится?

МЯМЛИНЪ. Да, очень нравится!

ЧУХЛОМСКІЙ. Ты ей не противенъ? не гадокъ?

МЯМЛИНЪ. Нисколько ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Впрочемъ, что-жъ я спрашиваю? Извѣстно, если мужчина немножко получше уroda, такъ все красавецъ. Она не говорила тебѣ, что ты для нея старъ?

МЯМЛИНЪ. Кажется, нѣтъ ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Глядя на тебя, она не дѣлаетъ кислой гримасы? вотъ такъ? ... (*дѣлаетъ гримасу*).

МЯМЛИНЪ. Никогда.

ЧУХЛОМСКІЙ. И ты точно жениться хочешь?

МЯМЛИНЪ. Хочу!

ЧУХЛОМСКІЙ. И она согласна?

МЯМЛИНЪ. Кажется.

ЧУХЛОМСКІЙ. Хорошее заведеніе! Такъ что-жъ ты зѣваешь, что-жъ тебѣ еще надо?

МЯМЛИНЪ. Эхъ, мнѣ-то больше ничего не надо, но ей, видишь, надо передъ свадьбой сдѣлать подарочекъ ...

ЧУХЛОМСКІЙ. А, это хорошо! сдѣлай два, три, десять подарковъ! Куда тебѣ деньги дѣвать? въ проценты пускать, что-ли? это ужъ подло будетъ! ремесло процентщика дѣлаетъ человѣка животнымъ!

МЯМЛИНЪ. Это все такъ ... но вѣдь подарокъ нуженъ, знаешь-ли какой?

ЧУХЛОМСКІЙ. Разумѣется, хорошій: чтобъ одолжить ее, чтобъ, такъ сказать, вполнѣ расположить ее къ себѣ.

МЯМЛИНЪ. То-то и есть: хотятъ, чтобъ я до свадьбы положилъ на ния невѣсты пятьдесятъ тысячъ серебромъ!

ЧУХЛОМСКІЙ (*удивясь*). А, хорошо! значить, вдовушка-то знаетъ себѣ цѣну; очень хорошо!

МЯМЛИНЪ. Впрочемъ, не сама невѣста этого требуетъ, а ея родственница, Анна Ивановна, хлопочетъ обезпечить участь молодой вдовушки.

ЧУХЛОМСКІЙ. Хорошо, видно, что и эта Анна Ивановна—баба съ толкомъ?

МЯМЛИНЪ. Ну, какъ ты думаешь? что мнѣ дѣлать?

ЧУХЛОМСКІЙ. Да коли невѣста тебѣ нравится и вдвое тебя моложе, такъ съ тебя дешевле и взять нельзя. Зачѣмъ раише не женился? двадцать пять лѣтъ назадъ, ты имѣлъ право самъ требовать приданнаго, а теперъ такъ съ тебя требуютъ — и совершенно справедли-

во! Плати, дари, дѣлай, что прикажутъ; самъ виноватъ: зачѣмъ тебѣ пятый десятокъ? (*ударивъ его по плечу*). Э, да брось ты все эти счета и расчеты. Денегъ много, такъ давай ихъ сюда, Иванъ Семенычъ! Постои—ко, мы тебя откупоримъ.

МЯМЛИНЪ. Да ... видно нечего дѣлать ... впрочемъ, посмотрю, что посоветуетъ мнѣ на этотъ счетъ Аввакумъ Никитичъ Морощка? ...

ЧУХЛОМСКІЙ. А эта желчная лихорадка еще не была у тебя? Вотъ нашель совѣтника! Ха! ха! ха! да онъ тебя только собьетъ съ толку. Нѣтъ, пожалуйста, не слушай его: во-первыхъ, этотъ человѣкъ никогда и ничѣмъ недоволенъ; во-вторыхъ, если онъ недоволенъ своей женитьбой, такъ станетъ-ли тебѣ хорошо отзываться о женщинахъ? Полно, братъ, плюнь на него и поидемъ знакомиться съ твоей вдовушкой ... Гдѣ она?

МЯМЛИНА. Она живетъ вотъ здѣсь... (*указывая на домъ Цвѣтковой*).

ЧУХЛОМСКІЙ. А, хорошо! Она вотъ здѣсь, а ты вотъ тутъ: близехонько!... Ха! ха! ха! экой разбойникъ! на какую близкую дистанцію подѣхалъ! ... Бѣдненькая! я думаю, какъ ты иногда начнешь вздыхать, такъ ей ночью и уснуть не даешь?

МЯМЛИНЪ. Да, случается ... но она такъ мила, такъ снисходительна, что готова простить все мои глупости!

ЧУХЛОМСКІЙ. Это умно; вѣрно, она знаетъ, что богатые холостяки должны имѣть привиллегію на всевозможныя глупости! Смерть хочется поскорѣй отпустить ей мое нижайшее почтеніе!

МЯМЛИНЪ. А вотъ погоди ... я сейчасъ пойду, приѣднусь лучше и поведу рекомендовать тебя ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Хорошо, съ Богомъ! пригладь, причеши свои растрепанныя чувства, а главное, займись своей головой, чтобъ до свадьбы всякій сѣдой волосокъ былъ запрятанъ подальше!

МЯМЛИНЪ. Да ужъ я на этотъ счетъ распорядился; Алешку нарочно посылалъ въ городъ.

ЧУХЛОМСКІЙ. За молодостью и красотой? Молодись, молодись — тебѣ это простительно; да вели мнѣ подать чего-нибудь напиться, смерть жарко.

МЯМЛИНЪ. Сейчасъ. Чего—же тебѣ? воды? лимонаду?

ЧУХЛОМСКІЙ. Все равно, чего—нибудь, хоть вина стаканчикъ.

МЯМЛИНЪ. Изволь, дружище! Впрочемъ, я велѣлъ ужъ и чай готовить ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, хорошо, вели дать стаканчикъ тепленькаго хорошенькаго лафиту.

МЯМЛИНЪ. Спо—минуту. (*Уходитъ въ свой домъ*).

VI.

ЧУХЛОМСКІИ одинъ, потомъ **ЛАКЕЙ** Мямлина.

Ха! ха! ха! Иванъ Семенычъ влюбленъ! Иванъ Семенычъ женится! Чудеса нынче дѣлають эти женщины! Самую холодную, черствую душу размячатъ, разнѣжатъ такъ, что держись душа въ тѣлѣ! Да еще, въ ожиданіи будущихъ благъ, съ этой души и денежное взысканіе предъявляютъ! Ха! ха! ха! Ай—да вдовушка! Видно у нея въ глазахъ есть магнитная стрѣлка... Вѣдь онъ, говорятъ, день-ги—то нажилъ не совершенно невиннымъ образомъ... Стало быть, вдовушка хочетъ молодца наказать по заслугамъ! Умно! Пятдесятъ тысячъ серебромъ—задатокъ солидный! Заведеніе хорошее! За пятьдесятъ тысячъ, онъ ей на первый случай, пожалуй, и понравится! А ужъ тамъ послѣ, будетъ—ли она любить его, это она, вѣроятно, предоставитъ своему благоусмотрѣнію! Ха! ха! ха!

ЛАКЕЙ (*подаетъ ему на поднось стаканъ лафиту*). Вы, сударь, изволили спрашивать вина?..

ЧУХЛОМСКІИ Давай братъ, Алексѣй, давай... ужасно какъ жажда мучить, жарко сегодня... (*Пьетъ не вдрызг*).

ЛАКЕЙ (*серьозно*). Да—съ, нонче въ атмосферѣ, должно быть, много градусовъ — съ.

ЧУХЛОМСКІИ (*улыбался смотритъ на него*). Да, да, должно быть. (*Про себя*). Смерть люблю я съ образованными лакеями разговаривать. (*Ему*). Да вотъ, Алексѣй: ты, какъ грамотный, вѣрно знаешь, отчего бываетъ такая жаркая атмосфера? Ты вѣдь, вѣрно, читаешь многое?

ЛАКЕЙ. Какъ—же—съ, всякой день занимаюсь, то съ Пчелкой, то съ Полицейскими сижу... особливо—съ когда баринъ спитъ, сапоги и платье вычищены, такъ и дѣлать больше нечего—съ... вѣдомости и проглядываю—съ.

ЧУХЛОМСКІИ. Хорошее у тебя заведеніе. Ну, да чай, проглядываешь также и туда, гдѣ твоя Матрена сидитъ? А? давеча я видѣлъ...

ЛАКЕЙ (*съ застычивостію*). Да—съ... но это ужъ совсѣмъ особая статья—съ... Отъ Матрены—съ, хошь меня въ жаръ бросаетъ иногда—съ, но все—таки она принадлежитъ не къ атмосферѣ—съ.

ЧУХЛОМСКІЙ. Разумѣется ... ну, а къ чему-же она по твоему принадлежитъ?

ЛАКЕЙ. Да, какъ вамъ сказать-съ ... Матрена, по моему-съ, хошъ и горничная, все-таки относится болѣе къ природѣ ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, да! Я тоже думаю ... то-есть, къ природѣ человѣческой?

ЛАКЕЙ. Точно такъ-съ. Все равно, какъ и я-съ, отношусь совершенно къ той-же природѣ, какъ и Матрена-съ.

ЧУХЛОМСКІЙ. Справедливо! Ты братъ, Алексѣй, видно малый съ головой?

ЛАКЕЙ. Да иначе никакъ нельзя-съ ... служу при такомъ баринѣ-съ, который нашего брата, глупаго человѣка, терпѣть не станетъ-съ.

ЧУХЛОМСКІЙ. Вотъ что! Ну, такъ отчего-же нынче такая жаркая атмосфера?

ЛАКЕЙ. Да нынче это оттого-съ, что недавно происходило затмѣніе въ солнечныхъ лучахъ-съ.

ЧУХЛОМСКІЙ (*едва удерживаясь отъ смѣха*). А чтò ты думаешь? Именно оттого вѣрно и жарко стало, что было солнечное затмѣніе.

ЛАКЕЙ. По-крайней-мѣръ-съ, я такъ прочиталъ въ газетахъ-съ; заранѣе было устроено такъ.

ЧУХЛОМСКІЙ Неужто? умница ты, братъ.

(*Голосъ Мямлина*). Алешка! гдѣ ты? Алексѣй!

ЛАКЕЙ. Сейчасъ! извините сударь, что долженъ оставить столь умную бесѣду ... баринъ требуетъ одѣваться ... (*убѣгаетъ*).

VII.

ЧУХЛОМСКІЙ одинъ.

Очень жаль, братъ ... Ха! ха! ха! Съ этимъ Алешкой очень полезно побесѣдовать, особенно когда желудокъ не варитъ: онъ, право, поможетъ ... (*замычалъ выходящую изъ дому Цвѣткову*). А! вотъ, кажется, обворожительная невѣста Ивана Семеныча выходятъ въ садъ; надо покорооче познакомиться ... (*высматриваетъ*). Съ нею вмѣстѣ какая-то толстуха выползаетъ ... вѣрно, сама оберъ-сваха, Анна Ивановна? Хорошо, надо и съ ней сойтись, какъ водится.

VIII.

ЧУХЛОМСКІЙ всторонѣ, **ЦВѢТКОВА** и **ПРИБИРОХИНА**.

ЦВѢТКОВА (*ей вполголоса*). Нѣтъ, нѣтъ, Анна Ивановна! Я вовсе не хочу ему навязываться и притомъ еще требовать съ него до свадьбы... Нѣтъ, это ужь слишкомъ! ни за что на свѣтъ...

ПРИБИРОХИНА. Ахъ, какая, право! Да вспомни, вѣдь ты, другъ мой, жертвуешь собою! Для чего-же? По-моему, ужь если выходить за пожилаго человѣка, такъ надо имѣть основательную причину, то-есть, надо обезпечить себя на всю жизнь. Я взялась пристроить тебя, такъ молчи и не мѣшай мнѣ, я поставлю на своемъ...

ЦВѢТКОВА (*увидя подходящаго Чухломскаго*). Перестаньте... вотъ кажется, одинъ изъ друзей Ивана Семеныча.

ПРИБИРОХИНА (*Чухломскому*). А! милости просимъ... мы рады добрымъ друзьямъ... позвольте...

ЧУХЛОМСКІЙ (*впадалъ въ тонъ*). Узнать, какъ меня зовутъ? Я — Ермолай Алексѣичъ Чухломскій, и точно, изо всей породы двуногихъ, самое добрейшее созданіе. Прошу любить и жаловать, то-есть, обходиться со мною безъ чиновъ, откровенно, въ чемъ, надѣюсь, никогда не будете раскаяваться.

ЦВѢТКОВА. Намъ очень пріятно будетъ.

ПРИБИРОХИНА. Чрезвычайно лестно... Садитесь, батюшка... Мы ужь про васъ слышали и, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, добрый другъ намъ большая помощь... а ваша физиономія доказываетъ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Моя физиономія очень можетъ вамъ съврать, матушка Анна Ивановна... Такъ, кажется?

ПРИБИРОХИНА. Точно такъ-съ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Стало-быть, физиономія ничего еще не доказываетъ. Вы, вѣрно, встрѣчали въ жизни, по виду, очень, добрыя, простодушныя физиономіи, водой не замутишь, а на повѣрку послѣ выходило, что эти добрые оказывались первѣйшими разбойниками! Не такъ-ли?

ПРИБИРОХИНА. Правда, батюшка, случалось иногда встрѣчать и такихъ... но, вы, какъ мнѣ кажется...

ЧУХЛОМСКІЙ. Не похожъ на разбойника? Точно, не имѣю нужды принадлежать къ людямъ такого достоинства. Итакъ прошу видѣть во мнѣ самаго прямого друга Ивана Семеныча, который отъ души же-

лаетъ поплясать скорѣй на его свадьбѣ; и жена моя очень любитъ, при случаѣ, задать выпляску... Она у меня тоже веселая и добрая баба, и вообразите, какое чудо: съ-тѣхъ-поръ, какъ вышла за меня, ни разу еще горько не плакала, право, такъ какъ-то у насъ сошлись кстати характеры... я хохочу—и ей весело, мнѣ смѣшно—и ей что-то любо, право! Ну, и такимъ вотъ образомъ, Богъ намъ далъ также пресмѣшнаго, здороваго мальчишку, знаете, такой бѣленькій, курносый, голова вся голая... много общается! Два глазныхъ зубка прорѣзались и онъ —ничего, смѣется да ѣсть просить! (*Прибирохиной*). У васъ, Анна Ивановна, нѣтъ рябятишекъ?

ПРИБИРОХИНА (*со вздохомъ*). Ахъ, батюшка, не далъ Богъ такой радости въ жизни!..

ЧУХЛОМСКІЙ. Жаль! А ребятишки иногда очень хорошее заведеніе; съ ними такъ самъ ребячишься, что забудешь въ жизни всякое горе. Вашъ супругъ гдѣ служилъ, Анна Ивановна?

ПРИБИРОХИНА. Онъ, батюшка мой, видите, служилъ комиссаромъ... въ одномъ...

ЧУХЛОМСКІЙ (*осматривая кругомъ*). Такъ, такъ... славную онъ вамъ дачу оставилъ... очень хорошее заведеніе... есть чѣмъ вспомнить покойнаго...

ПРИБИРОХИНА (*съ чувствомъ*). Да, батюшка, благороднѣйшей души былъ человекъ, но какъ все смертные, онъ...

ЧУХЛОМСКІЙ (*перебивая*). Разумѣется, преждевременно, къ скорбию всехъ знавшихъ его, перемѣнилъ сію скудельную жизнь на вѣчную, и оставилъ безутѣшную вдову оплакивать его высокія добродѣтели? Такъ, такъ; это сплошь и рядомъ такъ бываетъ. Много у васъ доходу съ этой дачи?

ПРИБИРОХИНА. Какіе доходы, батюшка... (*Показывая на Цвѣткову*). Вотъ съ Настасьи Петровны, по сродственному чувству, почти ничего не беру, потому—что она, послѣ смерти своего муженька, осталась ни съ чѣмъ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Неужели? ахъ, это жаль! (*Цвѣтковой*). Настасья Петровна! вы меня извините... еслибъ мнѣ пришлось оставить васъ преждевременно, я—бы долгомъ счелъ оставить вамъ вмѣсто себя, по крайней—мѣрѣ, полмилліончика въ утѣшеніе!

ЦВѢТКОВА. Покорно васъ благодарю...

ЧУХЛОМСКІЙ. Не за что! Вирочемъ, у насъ есть надежда, не унывайте, матушка... У Ивана Семеныча, я знаю, есть хорошее заведеніе.

ЦВѢТКОВА. Ахъ, что вы! Боже сохрани! Я вовсе и не думаю объ этомъ. Напротивъ, если обѣщала выдти за Ивана Семеныча, то потому—что онъ добрый, скромный, солидный человѣкъ, который мнѣ нравится, и если онъ расположенъ ко мнѣ, то я надѣюсь, что вѣрно не заставитъ меня страдать, какъ иной вѣтренникъ... А признаюсь, съ моимъ молодымъ мужемъ, я таки въ два года довольно наплакалась!

ЧУХЛОМСКІЙ. Возможно-ли! Такъ вы были несчастливы?..

ПРИБИРОХИНА. Да, батюшка, такой былъ игрокъ—не тѣмъ будь помянуть — что совѣмъ и дома не жилъ!..

ЧУХЛОМСКІЙ. Скажите, пожалуйста! Да, есть, есть много изъ нашей братии такіе пролетаріи, что изъ рукъ вонъ: изъ дома въ домъ рыщутъ всю жизнь, и ужъ не знаютъ ничего святаго; жена, дѣти, служба, домъ, совѣсть, все это для нихъ — пустяки! (*Цвѣтковой*). Значитъ, сударыня, теперь выходите вы за—мужъ чисто по здравому разсудку? Доброе дѣло! пожилой мужъ съ большимъ достаткомъ, тоже очень хорошее заведеніе. За-чѣмъ-же дѣло стало? Пожалуйста, не мѣшкайте; онъ, какъ я вижу, готовъ на все; Анна Ивановна тоже; я съ женой моею тоже, и если вы тоже, такъ веселымъ циркомъ-бы и за свадебку?

ЦВѢТКОВА. Конечно, если Иванъ Семенычъ дѣйствительно расположенъ, то съ моей стороны...

ПРИБИРОХИНА (*отводя его всторону*). Да, вотъ видите, батюшка, я только требую, чтобъ Иванъ Семенычъ прежде свадьбы, въ видѣ подарка, обезпечилъ мою Настеньку.

ЧУХЛОМСКІЙ. Что-жъ? это очень умно; я ужъ ему совѣтовалъ...

ПРИБИРОХИНА. Слышишь, Настенька? Согласитесь, батюшка, что вѣдь его не раззорить, если онъ положитъ на ея имя тысячъ пятьдесятъ серебромъ; вѣдь это будетъ благоразумно и хорошо?

ЧУХЛОМСКІЙ. Очень хорошее заведеніе!

ПРИБИРОХИНА. Ну, а вотъ она стыдится этого, церемонится.

ЧУХЛОМСКІЙ (*Цвѣтковой*). Настасья Петровна! Ивану Семенычу пятый десятокъ, стало быть, покорнѣйше васъ прошу, обходитесь съ нимъ безо всякой церемоніи. Да вотъ постоитъ, я это дѣло разомъ подвину впередъ. Видите, Анна Ивановна, намъ только надо выиграть время, пока не явился сюда одинъ лапчатый гусь, который можетъ все испортить...

ПРИБИРОХИНА. Да, батюшка, я и сама этого трушу; вы вѣрно говорите про...

ЧУХЛОМСКІЙ. Про Аввакума Никитича Морошку. Вы знаете его?

ПРИБИРОХИНА (*сконфузясь*). Да... такъ... когда-то видала...

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, такъ этого-то гуся ждетъ Иванъ Семенычъ, въ надеждѣ получить отъ него самый благоразумный совѣтъ, тогда какъ, ей-ей, у него на грошъ нѣтъ никакого благоразумія. Стало быть, намъ надо всячески стараться отвлекать Ивана Семеныча отъ Морошки, мѣшать ихъ бесѣдѣ и прочая... (*Цвѣтковой*). Настасья Петровна, чтобъ рѣшить скорѣе вашу участь, пожалуйста, войдите хорошенько въ роль невѣсты, а мы, съ Анной Ивановной, займемся другимъ субъектомъ.

ЦВѢТКОВА. Хорошо, но только, пожалуйста, не прибѣгайте ни къ какимъ крайностямъ; я скорѣи возьму свое слово назадъ, чтобъ только не заслужить названія навязчивой невѣсты.

ЧУХЛОМСКІЙ. Э, какъ вы церемонны, матушка! Теперь намъ всѣ средства позволительны, а особливо, когда они ведутъ къ доброй цѣли..

ПРИБИРОХИНА. Конечно, конечно... только батиска, я-бы не хотѣла даже видѣть этого Морошку...

ЧУХЛОМСКІЙ. Отчего? Посмотрите, онъ съ-тѣхъ-поръ, какъ женился, сталъ преуморительный старичишка!

ПРИБИРОХИНА. Да онъ, говорятъ, такого тяжелого характера, пожалуйста, наговоритъ какихъ-нибудь глупостей, а я, знаете, такъ слабо-нервна...

ЧУХЛОМСКІЙ. Э, да вѣдь мы его не станемъ гладить по лысой головкѣ; я безъ церемоніи зажму ему ротъ, если онъ чуть вздумаетъ забыть приличіе. (*Увидл входящаго Мямлина*). А, вотъ кетати Иванъ Семенычъ, и въ полномъ порядкѣ. Смотрите, какой еще онъ молодецъ, хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Милости просимъ, добрый женихъ; мы давно васъ ждемъ...

IX

ТѢ-ЖЕ и МЯМЛИНЪ одѣтъ франтомъ, въ парикѣ à la Russe.

МЯМЛИНЪ. А! вы, друзья мои, ужъ кажется совершенно познакомились? Очень радъ. (*Цвѣтковой*). Ну, Настасья Петровна, вашъ обворожительный голосокъ просто съ ума меня сводитъ.

ЦВѢТКОВА (*продолжая работу*). Полноте, пожалуйста, я ужъ сколько разъ просила васъ, чтобъ вы никогда...

ЧУХЛОМСКІЙ (*перебивая ее*). Нѣтъ, нѣтъ, Настасья Петровна, онъ совершенно правъ; ваши дарованія невольнио заставляютъ обожать васъ. Пожалуйста, оставьте излишнюю скромность, между женихомъ и невѣ-

вѣстою всѣ добрыя чувства должны изливаться наружу. (*Ему тихо*).
У тебя ужъ билетъ готовъ? въ карманѣ?

МЯМЛИНЪ. Какой билетъ?

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, обѣщанный ей подарокъ; предложи ей сейчасъ-же, и чрезъ три дня сыграешь свадьбу.

МЯМЛИНЪ. Изволь, изволь, я готовъ, но ... надо вѣдь сѣздить въ ломбардъ, положить на ея имя, а сегодня ужъ невозможно...

ЧУХЛОМСКІЙ. Эхъ, какой ты, братъ, жалкій любовникъ: общаешь, а самъ все откладываетъ. Вотъ что: сейчасъ возьми на пятьдесятъ тысячъ разныхъ билетовъ и попроси, чтобъ она сама завтра-же положила всю эту сумму на свое имя: это будетъ съ твоей стороны такой деликатный сюрпризъ, что она тебя невольно поцѣлуетъ!

МЯМЛИНЪ. Возможно-ли? О, другъ мой!.. Я ... тогда ужъ окончательно помѣшаюсь отъ нея.

ЦВѢТКОВА. Что у васъ за секреты, господа? Иванъ Семенычъ, это немножко неучтиво...

ЧУХЛОМСКІЙ. Ничего, Настасья Петровна... Иванъ Семенычъ рѣшился скорѣй назначить день свадьбы, а чтобъ вы совершенно вѣрили чувствамъ, онъ хочетъ сейчасъ-же поступить съ вами, какъ самый деликатный женихъ...

МЯМЛИНЪ. Да, да, прелестная Настасья Петровна, я чувствую, вижу, что надо намъ поскорѣе кончить чѣмъ-нибудь. Я ждалъ-было еще кой-кого къ себѣ для совѣщанія, однако, кажется, что всѣ совѣты теперь будутъ напрасны ... я ... я съ каждой минутой убѣждаюсь, что безъ васъ просто жить не могу. Назначьте-же день нашей свадьбы, а чтобъ вамъ ни въ чемъ не стѣснять себя, я надѣюсь, что вы примете отъ меня, въ знакъ истинной любви, небольшой подарочекъ?..

ЧУХЛОМСКІЙ (*тихо Прибироксиной*). Bravo! слышите, Анна Ивановна?

ЦВѢТКОВА (*вставая изъ-за работы*). Иванъ Семенычъ, благодарю васъ отъ души за вашу любезность; повѣрите, что я съумѣю оцѣнить всегда вашу ко мнѣ привязанность ... но знаете, что: какъ я ни бѣдна, однако ничего не прошу у васъ, не желаю никакихъ жертвованій, именно потому...

ПРИБИРОХИНА (*перебивая ее*). Настенька, не перебивай-же ты Ивана Семеныча.

ЧУХЛОМСКІЙ (*дѣлая ей знаки*). Настасья Петровна, не мѣшайте Ивану Семенычу; у него теперь на умѣ самое хорошее заведеніе! (*Ему*). Бѣги сейчасъ въ кабинетъ, возьми свой подарокъ, и какъ истинный джентльменъ, предложи Настасью Петровну.

МЯМЛИНЪ (*рѣшительнымъ тономъ*). Именно, такъ—такъ едѣлаю; всею, всею готовъ жертвовать для обожаемой Настасьи Петровны. (*Ей*). Подождите, моя прелесть; я сію—минуту ворочусь. (*Чухломскому и Прибирохиной*). Друзья мои, Ермолай Алексѣичъ, Анна Ивановна, вы увидите, какъ я умѣю любить и жертвовать всею для этой несравненной женщины! (*Ей*) Сію—минуту, мое сокровище, бутончикъ несравненный! Все отдамъ! (*Хочетъ идти*).

X.

ТЪ-ЖЕ и АВВАКУМЪ НИКИТИЧЪ МОРОШКА, уродливая сухая фигура съ лысой головой.

МОРОШКА (*лакею*). Вздоръ, пустяки! Если Иванъ Семенычъ хочетъ жениться, онъ будетъ такой-же пошлый дуракъ, какимъ былъ я, во время оно. (*Увидя Мямлина*). А, вотъ онъ! Ваня, здравствуй!

ЧУХЛОМСКІЙ (*тихо Прибирохиной*). Ну, Анна Ивановна, теперь намъ надо смотрѣть въ оба! (*Она отходитъ къ сторонѣ*).

МЯМЛИНЪ. Здравствуй, добрый другъ; какъ я радъ, что ты прѣхаль. Здорова-ли твоя жена?

МОРОШКА (*сильно вздохнувъ, и почти съ крикомъ*). Моя жена! Не знаю; ея никогда нѣтъ дома.

МЯМЛИНЪ. Фи, мой другъ, можно-ли такъ выражаться?

МОРОШКА (*со злобою*). Объ моей женѣ можно выражаться еще хуже и все-таки будетъ слабо, чтобъ обрисовать этотъ адекій характеръ!

ЧУХЛОМСКІЙ. А, здравствуй несчастный Аввакумъ.

МОРОШКА (*опять вздрогнувъ*). А, счастливый Ермолай; я видѣлъ твою милую жену, какъ вѣхаль сюда; она гуляетъ подъ ручку съ какимъ-то огромнымъ усачемъ! (*Хочетъ злобно*).

ЧУХЛОМСКІЙ. Неужели? Ха! ха! ха! Ну, я радъ; теперь ей безъ меня не будетъ скучно...

МОРОШКА. Да, да, радуйся... ха! ха!.. имъ безъ тебя будетъ очень весело.

ЧУХЛОМСКІЙ. Тѣмъ лучше, вѣдь это ея родной братъ, превеселый мальи.

МЯМЛИНЪ. Аввакумъ Никитичъ, позволь рекомендовать тебѣ мою милую невѣсту, Настасью Петровну... (*Ей*) А вамъ рекомендую моего старика и почтеннаго друга, Аввакума Никитича...

ЦВѢТКОВА. Мнѣ чрезвычайно пріятно ... прошу покорно садяться... Очень сожалѣю, что вы не привезли къ намъ вашей супруги.

МОРОШКА (опять сильно вздрогнувъ). Моей жены?... (Про себя). Ужъ меня такъ вотъ и коробить, какъ только заговорятъ о женѣ...

ЦВѢТКОВА. Позвольте узнать, какъ зовутъ вашу милую супругу?

МОРОШКА. Мою жену-съ?... Во-первыхъ, сударыня, моя жена, никогда не имѣла чести бытъ милою; во-вторыхъ, ее зовутъ Соломонию Вифаштьевной-съ: имя самое неблагозвучное, непріятное, точно такъ, какъ ея лицо и характеръ; а потому, извините меня... Я пріѣхалъ къ моему другу, котораго хочу спасти на краю пропасти... извините-съ. (Беретъ подъ руку Мямлина, и отводитъ въ ту сторону, гдѣ стоитъ Анна Ивановна). Несчастный другъ, поди сюда. Бѣги отъ женщинъ, бѣги дальше! Та, которая сватаетъ, тебя на старости въ дураки сажаетъ; берегись, поди, поди сюда... (Вдругъ видитъ Анну Ивановну и вскрикиваетъ въ ужасъ). Ай, моя сваха, Прибирохина! Ужасъ! куда я поцалъ? Батюшки .. ноги не держутъ... лихорадка бьетъ ... зубы стучать ... ой! ой! (Вполголоса Мямлину). Мямлинъ!.. Мямлинъ ... Мямлинъ ... эта женщина—демонъ; она меня .. сосватала и, въ слѣдствіе этой адской операціи — смотри — у меня въ полгода вся голова обнажилась, какъ тыква; полгода назадъ, я еще былъ красавецъ въ своемъ родѣ, а теперь, видишь ты, что я за отвратительный моржъ? Это все я ей обязанъ; это вѣдьма, а не старуха: кого только сосватала, женила — баста! Тотъ человѣкъ — или умирай или будь положъ на меня: вотъ какой результатъ!

ЧУХЛОМСКІЙ (перешелъ въ это время къ Цветковой). — Ха! ха! Аввакумъ Никитичъ! что съ тобой? (Ей) Извините его, Настасья Петровна, онъ у насъ цемножко того.. (Прибирохиной). Анна Ивановна, если вы знакомы съ нимъ, такъ, конечно, не удивитесь; онъ, послѣ жешитьбы, постоянно то дичь несетъ, то горячку поритъ. Ха! ха! ха!

МЯМЛИНЪ. Въ самомъ-дѣлѣ, дружище, успокойся, ты своими выходками конфузишь и меня и всѣхъ... (Цветковой). Настасья Петровна, извините, я уже говорилъ вамъ, что ждалъ къ себѣ Аввакума Никитича, посоветоваться, такъ надѣюсь, что вы не разсердитесь, если я на нѣсколько времени оставлю васъ!..

ЦВѢТКОВА. Какъ вамъ угодно ... бесѣдуйте, разсуждайте, я вамъ не помѣшаю, я пойду погулять съ Анной Ивановной, стало-быть, вы можете свободно бесѣдовать и здѣсь... (Беретъ съ окна вуаль и зонтикъ.)

МЯМЛИНЪ. Очень вамъ благодаренъ...

ПРИБИРОХИНА (*проходя мимо Морошки*). Аввакумъ Никитичъ, надо признаться, что нынче вы стали очень странный человекъ.

МОРОШКА (*отскочивъ отъ нея*). Бррр!.. каждое слово этого демона въ юбка такъ и царапаетъ по сердцу! (*Гладитъ себя по головѣ*).— Даже все волосы дыбомъ становятся... Когда-нибудь у меня съ ней выйдетъ страшная катастрофа.

ЧУХЛОМСКІЙ. Такъ до радостнаго свиданья, Настасья Петровна; только, пожалуйста, не долго гуляйте; мы все вмѣстѣ будемъ пить чай въ саду. Вы вѣдь сдѣлаете намъ это удовольствіе, не откажетесь?

ЦВѢТКОВА. Отчего-же? очень буду рада, если Аввакумъ Никитичъ не будетъ на это въ претензіи...

МЯМЛИНЪ. О, не беспокойтесь, онъ вѣрно не захочетъ разстроить нашу компанію.

МОРОШКА (*про себя, злобно*). Все разстрою—и свадьбу, и компанію, а эту Анну Ивановну ... можетъ быть, найду случай убить до смерти!

ЧУХЛОМСКІЙ. Смотрите-же, мы васъ будемъ ждать... (*Имъ тихо*). Я долженъ остаться, чтобъ дѣйствовать противъ Морошки.

ПРИБИРОХИНА. Хорошо, пожалуйста, постарайтесь... (*Морошкѣ*). До свиданія господа ... до свиданія, Аввакумъ Никитичъ .. (*Объ уходятъ*).

МОРОШКА (*вздрыгнувъ, про себя*). Бррр!.. у этой женщины не голосъ, а какая-то змѣиная шишучка!

XI.

ТѢ-ЖЕ кромѣ ЦВѢТКОВОЙ и ПРИБИРОХИНОЙ.

МЯМЛИНЪ (*проводивъ женщинъ*). Ну, друзья мои, теперь, вы оба, какъ женатые люди, должны по совѣсти рѣшить мою судьбу; говорите, совѣтуйте, я вполне полагаюсь на ваше благоразумное рѣшеніе, но только ради Бога, говорите по совѣсти, по-пріятельски, откровенно. Признаюсь, хоть я влюбленъ не на шутку въ эту женщину, а все еще не убѣжденъ, не знаю, хорошо-ли дѣлаю, что хочу жениться?

ЧУХЛОМСКІЙ. Да ужъ я тебѣ говорю, что хорошо, прекрасно, умно дѣлаешь, что хочешь жениться! (*кличетъ изъ дому*) Алексѣй! (*Лакей входитъ; онъ ему приказываетъ тихо: распорядись живѣе*).

ЛАКЕЙ. Слушаю-сь! (*Уходитъ опять въ домъ*).

МЯМЛИНЪ. Ну, а ты что скажешь, Аввакумъ Никитичъ?

МОРОШКА. Я?... гмъ! дурно, скверно, глупо, гадко, что ты хочешь жениться.

ЧУХЛОМСКИЙ (*перебивая его*). Вздоръ! ты будешь, право, очень уменъ, если женишься!

МОРОШКА (*также*). Нѣтъ, нѣтъ, ты будешь очень глупъ, если женишься!

ЧУХЛОМСКИЙ. Ты будешь счастливъ, какъ я!

МОРОШКА. Ты будешь несчастливъ, меня!

ЧУХЛОМСКИЙ. Жена будетъ тебя любить, уважать.

МОРОШКА. Вретъ: жена будетъ тебя за носъ водить, въ дураки сажать.

ЧУХЛОМСКИЙ. Будетъ ухаживать за тобою.

МОРОШКА. Нѣтъ, будетъ бѣгать отъ тебя: я тебѣ живой примѣръ.

ЧУХЛОМСКИЙ. Ты сдѣлаешься почтеннымъ, настоящимъ отцомъ семейства... Женившись, ты узнаешь полное, настоящее назначеніе человѣка въ этой жизни...

МОРОШКА. Пустяки! ты ничего не узнаешь, если жена захочетъ тебѣ носъ наклеить.

ЧУХЛОМСКИЙ. Ты не можешь себѣ вообразить, сколько ожидаетъ тебя истинно отрадныхъ минутъ съ доброю женою.

МОРОШКА. Ты не воображаешь, какихъ тебѣ жена надѣлаетъ неприятностей!

ЧУХЛОМСКИЙ. Ты будешь благословлять тотъ день, въ который тебѣ пришла идея жениться.

МОРОШКА. Ты будешь проклинать тотъ часъ.

ЧУХЛОМСКИЙ (*вскрикнувъ*). Аввакумъ, перестань-же, дай мнѣ говорить!

МОРОШКА. Говори, я тебѣ не мѣшаю.

ЧУХЛОМСКИЙ. Какъ-же не мѣшаешь? Ты мелешь вздоръ, а я ему говорю дѣло, откровенно, совѣтую по совѣсти...

МОРОШКА. А я ему не совѣтую по опыту!

ЧУХЛОМСКИЙ. Не слушай его, Иванъ: онъ судить по своимъ только отношеніямъ съ женою, но онъ самъ виноватъ, потому-что не умѣлъ заставить полюбить себя; этотъ человѣкъ даже никогда и не долженъ былъ жениться: его характеръ, фигура, его лицо, посмотри—можетъ-ли все это правиться женщиѣ? Ха! ха! ха!..

МОРОШКА (*обидясь*). Очень можетъ! Неправда! До женитьбы я былъ чрезвычайно интересный мужчина, а какъ проклятая Анна Ивановна меня сосватала, я чувствую, что упалъ вдругъ по-крайней-мѣрѣ

на сорокъ процентовъ. Бѣгая вездѣ за женою, я потерялъ много по службѣ, я похудѣлъ, сморщился, оплѣшивѣлъ, словомъ: сдѣлался хуже всякаго худаго, и все это черезъ жену. Но, она отвѣтитъ за все!..

ЧУХЛОМСКІЙ (*серьозно*). Хорошь—же тотъ мужчина, который жалуется на свою жену. Еслибъ ты былъ уменъ, въ твоей волѣ было-бы повести жену такъ, какъ должно, потому—что ты былъ старше и опытнѣе; узнавши ея характеръ, ты обязанъ былъ благоразумными средствами исправить ее, осторожно пріучить къ должному повиновению, съ любовью пріохотить ее ко всѣмъ ея обязанностямъ, такъ—что она, наконецъ, невольно отдалась—бы тебѣ во власть, поняла—бы свое назначеніе, и еслибъ не могла любить такого мужа, какъ ты, все—таки стала-бы непременно уважать тебя! (*разгорячася*). Да, и если ты не умѣлъ ничего этого сдѣлать, такъ ты не мужъ — а дуракъ, и если ты жалуешься на жену, ты поступаешь несправедливо, неблагогородно, безчестно; ты послѣ этого, не мужчина — ты хуже бабы; еслибъ даже жена стала теперь бить тебя, такъ тебѣ и надо, старій сморчекъ: ты этого стоишь, не женись, не вини другихъ, когда самъ виноватъ! Терпи — казнись, плѣшивая тыква: по дѣломъ тебѣ!..

МЯМЛИНЪ. Ермолай Алексѣичъ, полно!

ЧУХЛОМСКІЙ (*также горячо*). Не могу, Иванъ Семенычъ; ты пригласилъ его на совѣтъ, а зачѣмъ? Ну, его-ли пустой головѣ имѣть право совѣтовать?

МОРОШКА (*сильно обидясь*). Ермолай Алексѣичъ!

ЧУХЛОМСКІЙ. Что, Аввакумъ Никитичъ?

МОРОШКА. Ты меня такъ оскорбилъ ... такъ унизилъ ... что я чувствую колотье въ печенькѣ.

ЧУХЛОМСКІЙ. Самъ виноватъ: терпи!

МОРОШКА (*морщится*). Нѣтъ ... не могу ... когда я очень разобиженъ, у меня ... дѣлается икота ... видите ... это не даромъ ... вѣрно, моя жена ... опять что нап्राказила ... дайте мнѣ съ горя вышить чего-нибудь?..

(*Во время этой сцены, лакей приготовилъ все для чаю, и бутылку шампанскаго*).

МЯМЛИНЪ. Сейчасъ ... Алексѣй, дай скорѣе чаю ...

МОРОШКА (*продолжая икать*). Нѣтъ ... горячее мнѣ теперь вредно ...

МЯМЛИНЪ. Ну, подай стаканъ холодной воды!

МОРОШКА. Нѣтъ ... я разгоряченъ, я простужусь ...

ЧУХЛОМСКИЙ. Такъ вотъ, лучше всего, я велѣлъ подать шампанское ...

МОРОШКА. Нѣтъ, ... это для меня слабо. (*Показывая на графинъ*)
Вотъ это что у васъ?

ЛАКЕЙ. Это—съ самый лучший коньякъ—съ.

МОРОШКА. Ну, это мнѣ иногда хорошо ... дай рюмочку... (*пьетъ*).

МЯМЛИНЪ. Ну, что? легче тебѣ?

МОРОШКА (*продолжая*). Не могу еще ничего сказать ... (*Чухломскому*). Ну, Ермолай Алексѣичъ, ты меня когда-нибудь въ гробъ положишь ...

ЧУХЛОМСКИЙ. Почему-же!.. Если ты прежде умрешь, за долгъ почту сдѣлать все, что слѣдуетъ. Ха! ха! ха!

МОРОШКА. Какъ это утѣшительно. (*пьетъ*) Мнѣ и безъ того горько ... а ты еще, какъ на смѣхъ, подбавляешь мнѣ ...

ЧУХЛОМСКИЙ. Не правда Аввакумъ; ты самъ себѣ подбавляешь горечи ...

МЯМЛИНЪ. Однакожъ, друзья мои, вы все еще ничего не рѣшили. По-крайней-мѣрѣ, правится-ли вамъ моя невѣста?

ЧУХЛОМСКИЙ. Очень. Прелестъ, что за женщина! Я отъ нея въ восхищеніи!

МОРОШКА. Нѣтъ, препротивная бабенка; какъ-то этакъ ... ломается, флигитъ — гримасничаетъ ... (*Передразнивая Цвѣткову*).

МЯМЛИНЪ (*обидясь*). Ну, вотъ ужъ это неправда; это, можетъ быть, твоя жена, увидя тебя, гримасничаетъ, а Настасья Петровна, вообще, держитъ себя превосходно; я слѣжу за нею цѣлое лѣто, и кромѣ хорошаго, ничего другаго не знаю ...

ЧУХЛОМСКИЙ. Именно, манеры, тонъ разговора — очаровательны.

МОРОШКА. Да да, хорошо очарованіе; я думаю изъ косметическаго магазина куплены и бѣлизна и румянецъ ...

МЯМЛИНЪ (*горячо*). Аввакумъ Никитичъ, ты безсовѣстно клеветь! Это скверно! можетъ быть, твоя жена прибѣгаетъ къ такимъ средствамъ, а Настасья Петровна на это не способна; она не нуждается, въ этомъ.

МОРОШКА. Моя жена, его жена, и твоя вдовушка, всѣ онѣ способны на разныя продѣлки! (*садится у стола и еще выпиваетъ рюмку*). Женщины не-хотя тянутъ насъ въ погибель!..

ЧУХЛОМСКИЙ. Да что ты его слушаешь? Ты имѣешь свой взглядъ,

свой разсудокъ, знаешь невѣсту свою лучше всѣхъ насъ, такъ не стыдно-ли спрашивать мнѣнія у этого погибшаго сморчка? Онъ, изъ зависти къ намъ, всегда радъ клеветать на женщинъ. Лучше всего выпьемъ братъ, Иванъ Семенычъ, за здоровье Настасьи Петровны — и баста! Алексѣй, давай шампанскаго!

ЛАКЕЙ (*наливаетъ*). Сейчасъ, сударь.

МЯМЛИНЪ (*рѣшительно*). Именно; глупо я сдѣлалъ, что пригласилъ его на совѣтъ! Ты, братъ, Аввакумъ, именно погибшая овца: у тебя нѣтъ ни логики, ни здраваго смысла, ни справедливаго сужденія, ничего, кромѣ пошлой зависти, да лысой головы! (*Чухломскому*). Въ самомъ-дѣлѣ, вѣдь онъ въ первый разъ ее видитъ и смѣетъ говорить про нее такъ дурно. Чортъ возьми! Что онъ несчастливъ съ своей женой, такъ думаетъ и мнѣ то-же напороочить! (*Морошкѣ*). Такъ вотъ на зло-же тебѣ — я женюсь и буду счастливъ совершенно! (*Чухломскому*). Не правда-ли?

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, право, будешь. (*пьетъ*) За здоровье жениха и невѣсты! ура! (*лакею*) Алексѣй, подноси барину скорѣе!..

МЯМЛИНЪ (*беретъ бокалъ*). Спасибо... да по-мѣду ужъ лучше у Алексѣя мнѣ спросить совѣта, чѣмъ у этого Морошки. Алексѣй, говори правду: хорошо я дѣлаю, что хочу жениться?

ЧУХЛОМСКІЙ. Говори, хорошее заведеніе, или нѣтъ?

ЛАКЕЙ (*барину*). То-есть, наипрекраснѣйшее дѣло изволите дѣлать, баринъ! Въ холостомъ пребываніи вы уже изволили довольно пожуриствовать, такъ ужъ пора вамъ успокоиться въ бракѣ.

МЯМЛИНЪ. Ай-да Алексѣй, спасибо за совѣтъ! Да здравствуетъ Настасья Петровна! (*пьетъ бокалъ*).

ЧУХЛОМСКІЙ (*также*). Да здравствуетъ! Алексѣй, бѣги звать къ чаю будущую свою барыню!

ЛАКЕЙ. Съ наибольшимъ одолженіемъ (*убѣгаетъ*).

ЧУХЛОМСКІЙ. А ты, Иванъ Семенычъ, бѣги пока въ свой кабинетъ, за обѣщаннымъ подаркомъ...

МЯМЛИНЪ. Ахъ, да! да! Сейчасъ-же рѣшу мою участь и дамъ ей, такъ сказать, задатокъ будущаго нашего счастья! Лечу на крыльяхъ любви и надежды! (*Убѣгаетъ въ домъ*).

ЧУХЛОМСКІЙ. Ай-да, Иванъ! давно-бы такъ; молодецъ!

XII.

ТЪ-ЖЕ, кромѣ МЯМЛИНА и ЛАКЕЯ.

МОРОШКА (*выпивъ шампанскаго начинаетъ немножко хмѣлѣть*).
Друзья мои, вы меня ... такъ оскорбили ... такъ осмѣяли, что я, отъ душевной слабости ... (*начинаетъ горько плакать*) заливаюсь горькими слезами.. Охъ, грустно мнѣ жить на свѣтѣ! зачѣмъ я женился, старый болванъ? Жена моя ... о! вы еще ее не знаете: это пантера въ шелковомъ капотѣ! Оттого-то я не совѣтую и Мямлину заводиться такимъ звѣремъ!

ЧУХЛОМСКІЙ. Цвѣткова другое дѣло, а ты самъ виноватъ: зачѣмъ же ты женился на пантерѣ?

МОРОШКА. Да, я-бы и не женился ... но ... меня Анна Ивановна женила. (*Рыдаетъ*) Когда я увидалъ здѣсь эту Прибирохину ... такъ у меня даже пульсъ остановился! О-о-охъ! охъ! Зачѣмъ я связался съ бабою? Ты еще не знаешь: на прошедшей недѣлѣ жена меня такъ съѣздила зонтикомъ по головѣ, что я чуть не скончался!

ЧУХЛОМСКІЙ. Неужели? Вотъ какое заведеніе!

МОРОШКА. Увѣряю васъ! Въ слѣдствіе этого, мнѣ-бы страхъ хотѣлось этой Аннѣ Ивановнѣ нанести какое-нибудь самое чувствительное оскорбленіе; я-бы убилъ ее... да не смѣю! Пожалуй, подумаютъ, что это съ умысломъ ... я-бы, пожалуй, поджегъ ее дачу, да она застрахована. Ермолай Алексѣичъ, научи хоть ты, какъ-бы мнѣ наказать Прибирохину?..

ЧУХЛОМСКІЙ. Ха! ха! ха! Ахъ ты чудакъ! Да развѣ благородно, чтобъ мужнина метилъ слабому, иѣжному полу? Развѣ это хорошее заведеніе?

МОРОШКА (*вскочивъ съ досадою*). Да тебя вѣдь жена не бьетъ зонтикомъ по головѣ?

ЧУХЛОМСКІЙ. Нѣтъ.

МОРОШКА. Видишь, какъ ты счастливъ! Твоя жена не бѣгаетъ безпрестанно изъ дому.

ЧУХЛОМСКІЙ. Нѣтъ.

МОРОШКА. Видишь, какая тебѣ доля вышла! А я ... ой! ой!

(Закрываетъ лицо, садится у стола и снова громко плачетъ. Въ эту минуту Мямлинъ, вышедъ изъ дому, щипетъ глазами Цвѣткову и снова скрывается въ глубинѣ сада, пересматривая ламбардные билеты).

ЧУХЛОМСКІЙ (утѣшая его). Полно, Аввакумъ Никитичъ ... грѣшно упадать духомъ; терпи, утѣшься...

МОРОШКА (выпивая бокалъ). Да, я и такъ стараюсь утѣшиться... но, несчастье-то мое такъ велико, что ... (наливаетъ еще) это все слабо ... не помогаетъ мнѣ ... ужъ сколько разъ говорю: «Морошка! дуракъ ты, что на старости женился: прежде ты былъ исправный человекъ ... а теперь, такая дрянь, что тебѣ ничего поручить нельзя!» Ну, я и отираюсь къ женѣ ... и говорю ей о столь лестныхъ отзывахъ, а она меня зонтикомъ! (Рыдаетъ) Нѣтъ! это ... это слишкомъ больно! надо имѣть только мой крѣпкій черепъ, чтобъ не сойти съ ума! я ... я увѣренъ, что это Анна Ивановна научила мою жену всѣмъ этимъ боевымъ эволюціямъ. Она, говорятъ, и своего мужа комиссара, урезонила лечь въ могилу тоже какимъ-то деревяннымъ инструментомъ ... Комиссаръ, разумѣется, не вынесъ операціи, протянулъ ноги, а она что? Гуляетъ по бѣлу свѣту, какъ ни въ чемъ не бывало!

ХІІІ.

ТѢ-ЖЕ И ПРИБИРОХИНА, входя весело.

ПРИБИРОХИНА. Ермолай Алексѣичъ, все кончено! Иванъ Семенычъ подарилъ Настенькѣ, и черезъ три дня свадьба!

ЧУХЛОМСКІЙ. Bravo, хорошее заведеніе!

МОРОШКА (вскочивъ съ мѣста, трясется вѣли членами). Еще свадьба? Еще одна душа погибла? (подходитъ грозно къ Прибиорохиной и произноситъ громко). Анна...

ЧУХЛОМСКІЙ. Что ты, Аввакумъ?..

МОРОШКА. Молчи Ермолай! (ей) Анна, кого ты навязала на шею Ивану? Анна, ты Аввакуму ужъ навязала Саламониду — и дерзаешь еще ... нѣтъ! ты должна умереть не своею смертію!

ПРИБИРОХИНА. Что вы! что вы! вы забываетесь! я благородная женщина!

ЧУХЛОМСКИЙ (*сажая его*). Аввакумъ! забываешься передъ благородной женщиной; это, братъ, дурное заведеніе! Садись и пей чай...

МОРОШКА. Бррр! она благородная? у ней благородства столько-же, какъ у меня ... волосъ на головѣ! (*грозитъ ей*). Анна! счастье твое, стоя слабый мужъ, а то-бы я ... (*пьетъ шампанское*) высосаль всю рѣчь твою!..

XIV.

ТѢ-ЖЕ и **МЯМЛИНЪ**, подъ руку ведетъ **ЦВѢТКОВУ**, за ними **ЛАНЕЙ**.

МЯМЛИНЪ. Друзья мои, поздравьте насъ! черезъ три дня наша свадьба!

ЧУХЛОМСКИЙ и **ПРЕБИРОХИНА** (*вмѣстѣ*). Поздравляемъ, поздравляемъ! дай Богъ совѣтъ да любовь!

МОРОШКА (*про себя*). Да, чтобъ у твоей жены не было зонтиковъ!

МЯМЛИНЪ. Да, друзья мои, я увѣренъ, что буду счастливъ въ полной мѣрѣ! (*ей*) Неправда-ли, мой дружокъ?

ЦВѢТКОВА. Добрый Иванъ Семенычъ, вы столько сдѣлали для меня, что я теперь обязана доказать вамъ и всѣмъ вашимъ роднымъ, какъ я умѣю быть благодарной.

МЯМЛИНЪ (*цѣлун ея руку*). О, прелесть моя! Зная ваши правила, я увѣренъ, что нашель въ васъ подъ старость истинную и добрую подругу. (*вслѣмъ*) Не правда-ли, друзья?

ЧУХЛОМСКИЙ. Разумѣется: женись только, и ты увидишь какое это хорошее заведеніе.

МОРОШКА (*самъ съ собою*). А по-моему, плохое заведеніе.

МЯМЛИНЪ. Алексѣй, подавай чай. (*дамамъ*) Прошу покорно садиться, будьте, какъ дома, хозяйничайте ... (*всѣ усаживаются*). Ну любезный Морoshка, отойди немножко, дай мѣсто моей милой очаровательной хозяйшкѣ! Ахъ, какъ я радъ! какъ я теперь счастливъ!

ЧУХЛОМСКИЙ. Да, да, и, глядишь, черезъ годъ, Богъ дастъ, у тебя будетъ прехорошее заведеніе!

МОРОШКА (всторонь). Да, вотъ такъ-то всегда въ жизни: одни радуются, другой чуть не плачетъ; одного мужа — жена любить, другаго зонтикомъ бьетъ; одного автора пьесу ошикаютъ, другому — аплодируютъ! (*публикль*) И такъ если сегодня вамъ нашъ авторъ не наскучилъ, такъ ужъ сдѣлайте милость, при отношеніи представьте въ общее собраніе его трудъ, чтобъ поскорѣе рѣшить его участь...

9834
~~18166~~

Домъ...
 Блюми...
 имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО